

УДК 81'373.2

**ДИХОТОМИЯ «СВОЙ» – «ЧУЖОЙ» В КОНТЕКСТЕ НАИМЕНОВАНИЙ
ВООРУЖЕНИЙ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ**

© Э. Н. Ирнараров

*Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы
Россия, Республика Башкортостан, 450008 г. Уфа, ул. Октябрьской революции, 3а.*

Тел.: +7 (919) 615 41 71.

*Email: sokolatra@yandex.ru

Статья посвящена изучению проблемы применения бинарной оппозиции «свой» – «чужой» в сфере наименований оружия как части военной терминологии. Под этим понятием подразумевается семантическая дихотомия, проявляющаяся при обозначении вооружений отечественного и зарубежного производства. В связи с этим актуальной для изучения становится тема проникновения в русскую военную терминологию единиц иноязычных систем наименований. Данный процесс может приводить к адаптации иностранных терминов при сохранении маркеров их инаковости по отношению к устоявшимся в отечественной терминологии обозначениям. Помимо этого, возможен и обратный процесс – упоминание в иноязычной среде русских наименований, что обнаруживает сам механизм такой адаптации. Как показало наше исследование, даже исконно иноязычное название оружия под воздействием экстралингвистических факторов административного или политического характера может восприниматься носителями языка в качестве «своего». Представляется, что в современных условиях глобализации многих социально-культурных процессов оппозиция «свой» – «чужой» становится одной из важнейших стратегий развития языка, усиливающая использование возможностей СМИ и Интернета в сфере межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: *иноязычные и отечественные наименования вооружений, дихотомия «свой» – «чужой», военная техника, оружие, термин, структурные особенности военной терминологии, адаптация лексических единиц, национальная специфика терминов.*

Наименования вооружений, являясь частью военной терминологии, так или иначе, несут на себе своеобразный ментальный отпечаток военной среды как таковой, содержащей определенные аспекты национальных традиций и предпочтений. В связи с этим рассмотрение языковых единиц данной системы представляет немалый интерес как с точки зрения терминоведения, так и в плане влияния профессиональных терминосистем на общелитературный язык и способы его модификации в речевых практиках. Ученые, начиная с Леви-Стросса [15, с. 408], полагают, что социокультурной основой общества, первичной клеточкой общественной жизни и в то же время способом объяснения социальных процессов является выделение дуальных оппозиций. Дихотомия, или бинарность, в широком плане рассматривается как универсальный код описания мира в целом и в любой его подсистеме. Весьма существенные разработки семиотических идей, связанных с оппозицией «свой» – «чужой», принадлежат Ю. М. Лотману, который подробно изучил механизмы формирования национальных картин мира, проникновения текстов одного социума в другой, способы выработки метаязыка самоописания общества, вскрыл сущность и содержание процессов межкультурной коммуникации.

Так, для нашей темы в контексте соотношения наименований оружия из разных языков и возникающего в таком случае диалога культур важно замечание о том, что «относительная инертность той или иной структуры выводится из состояния

покоя потоком текстов, которые поступают со стороны связанных с ней определенными отношениями структур... Усваивается язык, адаптируются тексты. При этом генератор текстов, как правило, находится в ядерной структуре семиосферы, а получатель – на периферии. Когда насыщение достигает определенного порога, приводятся в движение внутренние механизмы текстопорождения принимающей структуры. Из пассивного состояния она переходит в состояние возбуждения и сама начинает бурно выделять новые тексты... Процесс этот можно описать как смену центра и периферии... Из этого вытекает прогрессирующий универсализм культурных систем» [15, с. 195]. И действительно, как будет видно из последующих примеров, зачастую единицы, изначально обозначающие иностранные вооружения, при их проникновении в русскую систему наименований проходят определенный процесс адаптации, после чего носители языка воспринимают их в качестве привычных и традиционных обозначений оружия. Особенно актуально это в случае производства образцов техники по иностранным лицензиям. Разумеется, эта закономерность не является постоянной, в связи с чем возможны и иные варианты, то есть полной смены названия образца в момент принятия его на вооружение, о чем мы подробнее расскажем ниже.

Конкретное проявление дихотомии «свой» – «чужой» проистекает из различия современных культурных практик и отражается в общественных ценностях в виде системы смыслов и пространства смысловых оппозиций. По этой причине представ-

ляется весьма целесообразным и актуальным поднять вопрос проявления дихотомии «свой» – «чужой» в сфере военных наименований, проявляющих высокую степень полярности особенно в контексте обозначений отечественных и иностранных марок вооружений. В нашей работе под данным понятием мы понимаем факты разграничения оттенков значений в терминах и наименованиях, каковые маркируют название реалии как «свое» или «чужое». Можно также говорить о степени усвоения или адаптированности названий иностранного оружия, что может свидетельствовать об определенной тенденции взаимовлияния русских и иноязычных терминов.

Тему данной семантической оппозиции, граничащей по своей сути с ментальными планами языка, необходимо рассматривать в аспекте названий иностранных вооружений в русском языке, что включает в себя вопрос о беспереводе военном термине как реализации языковой стратегии «свой» – «чужой» и о пополнении русского военного лексикона такими единицами. Отметим, что подобные единицы иллюстрируют собой процесс своеобразной «идеи-накладки», то есть весьма специфической оппозиции в военном подязыке. Это вполне объяснимо, если смотреть на терминологию как на развивающуюся и постоянно меняющуюся систему на протяжении всей истории национального языка. В ходе данных изменений сама стратегия языковой оппозиции оставалась прежней, под нее подстраивалась тактическая сторона внутритерминологических процессов, что и обнаруживалось в виде появления варваризмов, использования особых аббревиатур и терминов-макаронизмов. Неизбежное и массированное проникновение в современный русский язык заимствованных терминов обусловлено всем ходом событий последних десятилетий. В связи с этим мы поставлены в ситуацию необходимости затронуть тему передачи этих терминов в нашем языке как прямым вхождением, так и путем военного перевода. Не анализируя терминологии иностранных языков, мы лишь отметим наиболее интересные черты наименований образцов зарубежной военной техники, проявляющиеся в русскоязычном тексте.

Определенное значение в данном случае имеет и то, что в упомянутой терминологической оппозиции обнаруживается лингвокультурный фактор и связанные с ними национально-этнические и ментальные пласты мышления и языка, поскольку «военная субкультура как составная часть общей этнической культуры характеризуется общностью языка, материальной и духовной деятельностью, общностью нравов и обычаев, психических характеристик своих представителей. В том же отделе национального языка, который аккумулирует знания об иной культуре, накапливается и специальный слой военной лексики, выражающей реалии этой культуры» [4]. Важным моментом в понимании особен-

ностей оппозиции «свой» – «чужой» в языке и военной терминосистеме являются глубинные различия в национальной ментальности и способе языкового мышления, что проявляется при использовании иноязычных терминов в русском тексте. Факты подобного различия эмоциональных планов языков хорошо показаны на примере отношения к миру и отражения таких категорий в лексическом пласте [6, с. 70–71].

Итак, тема дихотомии «свой» – «чужой» связана с межкультурной коммуникацией и взаимодействием отечественных и зарубежных обозначений вооружений и военной техники. Как справедливо отмечают исследователи, «с антропологической точки зрения выделение названных видов терминов интересно тем, что их соотношение в определенной терминологии (преобладание одних над другими) способно показать самостоятельность национального мышления или зависимость одного национального мышления от другого» [24]. Конкретно в языковой сфере оппозиция «своего» к «чужому» вполне может иметь вышеупомянутый характер. Точнее, определенный барьер в восприятии иноязычного материала в терминологии служит одновременно его идентификатором и, в какой-то мере, реализацией стратегии «противопоставления» наименований отечественных и зарубежных вооружений. Помимо этого, в наименованиях оружия и военной техники присутствует тенденция к усилению исторической дихотомии типа «свой» – «чужой», свойственной русскому военному подязыку и реализующейся на разных его уровнях. Мы считаем, что традиционная культура сориентирована на формирование таких моделей, в которых «свое» и «чужое» выступают в качестве национальных мислелеобразов, характеризующих принципиально разные части мирового социокультурного пространства.

В связи с этим интерес вызывает сама возможность парного сравнения и сопоставления русских и иноязычных обозначений оружия в рамках одного словаря, причем исследователи уже привели ряд доводов в пользу того, что таковой должен быть двуязычным [22, с. 337]. Последнее особенно важно как проявление некоторого превалирования в текстах терминов-макаронизмов уже в аспекте восприятия «своих» и «чужих» языковых единиц. Причем, что закономерно, интересно и восприятие уже русских наименований в других системах (например, англоязычной), что дополнительно будет служить иллюстрацией самого механизма такого явления. Таким образом, дихотомия «свой» – «чужой», о которой мы упомянули, свойственна в целом всему военному подязыку и военно-технической терминологии как его компоненту в частности. Связано это с особым пластом национальной ментальности, нашедшим свое отражение как в военной области языка, так и в основном лексическом запасе его носителей, куда неизбежно

проникают лексемы военной и оружейной терминосистемы. Наглядно демонстрирует это явление ряд интересных примеров обозначений оружия в профильной литературе.

Здесь стоит сделать небольшую оговорку о том, что с исторической и диахронической точки зрения военные заимствования (в области наименований нового или иностранного оружия) проникали в русский язык уже в довольно ранний период, по крайней мере, с XIII в., но степень их влияния на систему наименований оставалась достаточно низкой [20, с. 249–250], что говорит нам о качестве и выраженности разделения «своего» и «чужого» в военной сфере языка и ментальности. Разумеется, в нашем случае речь уже идет не о заимствованиях как таковых, а об особенностях воспроизведения в языке отношения носителей к таковым единицам. Так или иначе, в разные периоды истории военным кругам приходилось начинать с использования либо импортных образцов вооружений, либо их отечественных аналогов, произведенных по лицензии или технологии. Подобная «адаптация» самих оружейных средств приводила к необходимости придать новым наименованиям семантику «своего» обозначения. К примеру, это можно наблюдать на образце таких терминов, как *пулемет «Максим»*, *револьвер «Наган»*, *«трехлинейка»*. Характерно, что усвоение изначально полностью или частично иноязычных наименований проходило не только на уровне их текстовой формы, но и в области национального восприятия. Действительно, весьма популярное название пулемета с ударением на русский манер уже не так сильно связано в сознании пользователей с его создателем – Хайремом Мэксимом, в то время как магазинная винтовка калибром *«три линии»* (7.62 мм) ассоциируется в основном с ее российским соавтором генералом Мосиным, а не фабрикантом Наганом. Название же револьвера довольно скоро прошло аппелятивацию, то есть стало обозначением серии образцов оружия.

В свете данных примеров становится понятно, что стратегия выражения в военном подязыке дихотомии «свой» – «чужой» в определенный момент начинает превалировать над самими принципами терминологии и критериями термина, что может приводить к многозначности последнего. Исследователи иноязычных военных заимствований также замечали, что «полисемия термина выражает в семантической структуре слов принципы категоризации фрагментов объективной действительности, тенденции развития терминосистемы, возможности саморазвития языка. Таким образом, полисемия в терминологии – явление объективно существующее, обусловленное как экстралингвистическими, так и интралингвистическими причинами» [8, с. 62]. Кроме того, имеет все тот же вес и экстралингвистический фактор оценочности и субъективных предпочтений, что видно на примере дублетов *«Мосин»* и *«Мосин-Наган»*, когда не всегда

упоминается указание на иностранного участника разработки магазинной винтовки 1891 г. То есть, в указанных примерах мы можем видеть определенную тенденцию русскоязычного усвоения наименования в случае, если оно, даже будучи изначально иноязычным, обозначает оружие, состоящее на вооружении национальной армии. Последнее подчеркивает также и психологически-ментальную функцию дихотомии «свой» – «чужой» в русской системе наименований вооружений.

Этому же курсу следуют эпизоды, связанные с обозначением вооружений, также изначально разработанных за рубежом, но при этом из тех или иных соображений сменившихся уже полностью на новые. Так, характерен пример с танками разработки Джона Уолтера Кристи и фирмы Vickers. Так, легкий танк *«Виккерс 6-тонный»* получил название *«Т-26»*, а танки *М1931* и *М1932* конструкции Кристи, соответственно, *«БТ-2»* и *«БТ-32»* (*«быстроходный танк»*) [16, с. 105–109]. Здесь мы можем наблюдать характерный пример не столько адаптации наименований, сколько ярко выраженную особенность разграничения «своего» в военной терминосистеме – вооружение иностранной конструкции получило уже имевшиеся в ходу русские обозначения. На наш взгляд, это весьма показательный не только языковой, но и культурно-семиотический пример.

Также интересен пример с обозначением различного рода трофейного оружия как отражение разделения в военной среде своей и чужой стороны. Так, фрегат *«Автроил»* получил свое имя под влиянием захваченного шведского судна *«Афтролле»*, и последующие русские корабли, носившие это название [2, с. 49], становились своеобразным символом данного события, важного для национальной исторической картины мира. Устоявшаяся в ту эпоху традиция иллюстрирует собой как тогдашнюю военную ментальность, так и устойчивую языковую норму именования, сформированную фактом военного успеха. Вместе с тем, передача в тексте названий иностранных боевых кораблей также может служить выражению в языке дихотомии «свой» – «чужой». Так, если рассматривать примеры из сферы оружейной терминологии, то весьма иллюстративны здесь обозначения одного и того же образца вооружений в русской и иностранной терминосистеме. Интересно наблюдать это в случае названий военных кораблей при одновременном использовании единиц обоих вариантов: *бронепалубные крейсера «Кайзерин Элизабет»*, *«Кайзер Франц-Йозеф I»*, *броненосный крейсер «Кайзерин унд Кенигин Мария Терезия»* – и *«Kaiserin Elisabeth»* (*«Императрица Елизавета»*), *«Kaiser Franz Joseph I»* (*Император Франц-Иосиф*), *«Kaiserin und Koenigin Maria Theresia»* (*«Императрица и королева Мария Терезия»*) [14, с. 9–11]. Данные единицы одновременно иллюстрируют как определенный подход к традиции военного перевода, так

и степень самой освоенности наименований, имеющих русифицированные и «инородные» варианты.

В этом смысле адаптированные в языке названия иностранного оружия, даже имея разную степень освоенности в тексте, вполне могут демонстрировать характерные маркеры чужой терминосистемы. Причем данная особенность восприятия транслитерированных беспереводных терминов сама по себе является средством разграничения «своего» и «чужого» в наименованиях хотя бы через их внешнюю форму, не говоря уже о семантической стороне вопроса. Здесь уместно привести примеры из других научных работ. Так, «ряд изданий передает именованья зарубежных образцов в оригинале, например, *FAMAS, LR-300, G-3, G-11, M-16A1, FN FAL*, в то время как другие авторы прибегают к транслитерации иноязычных терминов в системе русского алфавита: *Литгоу, Норинко, Галил, УЗИ, Диемако, Вектор, Дэу, Хова*. Кроме того, довольно широко распространены и смешанные варианты следующего типа: *СТЭН Mk II, Браунинг 1918 A2 BAR, Энфилд L39A1, Экьюраси интернэшнл L96A1*. Как следствие подобного дуализма можно выделить существование фактически двух вариантов одного и того же наименования образца – *STEYR AUG-77* и *Штейер AUG*» [27, с. 149]. Хорошо заметно, как в данных наименованиях обозначены разработчики и предприятия-производители того или иного образца. Кроме того, указанные термины, обозначающие индивидуальное стрелковое оружие (штурмовые винтовки и пистолеты-пулеметы), демонстрируют не только особенности передачи иностранных обозначений оружия, но и интересный путь пополнения терминологии в широком смысле. Представляется очевидным, что последнее обстоятельство также существует в рамках именно обсуждаемой дихотомии. Особенно если говорить о текущих тенденциях взаимодействия военных терминологий разных языков.

Поэтому если касаться относительно современного периода, то стоит отметить, во-первых, сочетание в одном тексте (в справочнике по вооружениям или в сети Интернет) наименований отечественного оружия и его аналогов из других стран, во-вторых, наличие сводных таблиц-гlossариев, посвященных перечню особых наименований оружия СССР и впоследствии РФ по системе стран НАТО. Последнее как раз лучше всего, на наш взгляд, показывает внешнюю сущность рассматриваемого нами вопроса. Особо здесь отмечено то, что на примере обозначения одного и того же образца демонстрируются не только разные принципы военного именования, но и отличные друг от друга элементы семантической мотивированности в процессе номинации образцов вооружений. Так, следующие системы вооружения располагают иноязычными дублетами: *ракетные комплексы «Ис-*

кандер-М» и «Искандер-Э» – SS-26A и SS-26B Stone («Камень») соответственно (SS – «Surface-to-Surface Missiles» – ракеты «земля–земля»), «Эльбрус», «Аэрофон» – SS-1 Scud («Шквал»), «Тополь-М», «Ярс-М» – SS-27 Sickler («Серп»); межконтинентальные баллистические ракеты (МБР) УР-100Н и УР-100НУ – SS-19 Stiletto («Стилет») [10].

Более того, упомянутые коды НАТО вполне могут применяться уже как часть названия отечественной техники: приведенные выше названия «Скад» и «Стилет», название нескольких моделей боевых самолетов *Су-27, Су-32ФН, Су-34, Су-37 «Фланкер» (Flanker)*, будучи изначально кодовыми обозначениями НАТО советских вооружений, закономерно могут использоваться носителями русского языка как «свои» термины-наименования – причем как в военной среде, так и в обычной сфере (например, название видеоигры 1995 г. «Су-27 Фланкер»). Интересной деталью является то, что УР-100 (упомянутый «Стилет») не имел официального «имени», кроме индекса. Не обошло стороной это явление и справочную литературу, где названия типа *истребитель МиГ-29 «Фулкрум», крейсер «Адмирал Головкин» класса «Кинда», ракетный эсминец «Стойкий» класса DDG, подлодки класса «Ромео», «Виски», «Янки»* [5, с. 91–162] указываются именно в такой форме. Стоит оговориться, что подобные дублеты не заменяют собой официальные обозначения вооруженных сил, но входят в лексический запас в качестве новых компонентов, расширяя стилистическую палитру языка. Проще говоря, данные наименования могут не входить в терминосистему, но уже являются полноценной частью военной терминологии русского языка.

В данном контексте примечательно, что не только русская военная терминосистема прибегла к стратегии «свой» – «чужой», но подобные схемы возможны и в иностранных языках, что отмечено в соответствующих работах [9, с. 102]. Помимо выполнения чисто ментальной потребности в разграничении «оппозиционных» сторон, в военной терминосистеме существует и такое явление, как необходимость разграничения наименований оружия. Последнее, кстати, коррелирует с обозначившейся тенденцией к тому, что «в условиях почти тотального билингвизма употребление в речи – устной или письменной – «чужих» слов является фактически нормой, уже не бросающейся в глаза». Именно поэтому «остро встает проблема разграничения «чужой» лексики» [11, с. 68]. Данный момент интересен нас в контексте определенного перехода понятий из одной национальной терминологии в другую. Так, случай с дублетами «автомат» – «штурмовая винтовка», обозначающими один и тот же тип оружия, а также прочие соотношения наименований выводятся прямым из манеры обозначения отечественного оружия в англоязычной профильной литературе: *AK-47 assault rifle, Makarov PM pistol, Mosin-Nagant M1891 Remington rifle,*

Mosin-Nagant carbine M1944, PPSH41 submachine gun, PTRD anti-tank rifle, RPG-7 anti-tank weapon, RPK74 LMG, Tokarev SVT40 rifle, Tokarev TT Model 1933 pistol [31, с. 356–359]. Здесь мы видим пример адаптации уже русских терминов в англоязычной среде. Изменения, произошедшие с наименованиями при переходе в иную языковую среду, показывают характер и особенности упомянутой дихотомии, свойственной также и другим военным терминологиям. Иными словами, можно говорить о некоторой общности механизмов создания такой оппозиции при сохранении индивидуальных для каждого языка стратегий ее выражения.

Все это приводит к вопросу о способности терминологических обозначений участвовать в передаче значения. Исследователи уже отмечали, что многокомпонентные термины могут формировать семантические оппозиции. Суть данного явления обусловлена наличием дифференцирующего семантического компонента во внутренней форме классифицирующего терминологического элемента, т.е. в периферийной области семантики термина [1, с. 9]. В рамках разговора о дихотомии «свой» – «чужой» стоит привести утверждение о том, что «одни и те же качества и свойства личности находят не только общее отражение в разнотерминологических языках. В основу их наименования могут быть положены различные образы, обусловленные различным характером ассоциаций, возникающих в сознании представителей разных культур» [3, с. 82]. Подчеркнем, что такие ситуации всегда обусловлены экстралингвистически. Судьба даже не целого термина или номена, а только терминологического элемента – именного компонента обозначения – может меняться в зависимости от ряда обстоятельств. Достаточно упомянуть здесь имя Игоря Сикорского, чьи аппараты успели послужить разным государствам. Стоит отметить, что данные наименования также имеют свои дублиеты в англоязычных источниках: *Sikorsky S-8 (Malyutka-Baby), Sikorsky S-10 (Gidro-Hydro) Series, Sikorsky Il'ya Muromets S-25 Series* [30, с. 294–322]. Любопытный пример упомянутого терминологического элемента можно наблюдать уже в русских материалах по теме, где он фигурирует как часть обозначений иностранной техники: многоцелевые вертолеты *Сикорский S-61 (SH-3H), Сикорский S-65 (CH-58D) «Си Стэллион», Сикорский S-70 (UH-60A) «Блэк Хоук», Сикорский SH-60B «Си Хоук», Сикорский S-80 (CH53E) «Супер Стэллион», Сикорский S-92* [17, с. 120-175]. По нашему мнению, это как нельзя наглядно демонстрирует экстралингвистический характер изменений терминологии и степень ее пополнения изначально иноязычными терминами-дублиетами.

К этому остается добавить, что, как мы уже говорили, сама форма наименования, даже будучи употребленной в иноязычной среде, продолжает нести в себе оттенки если не прежнего значения, то хотя бы определенной национальной окрашенно-

сти. По крайней мере, таковы русские наименования для англоязычных потребителей: «*Shilka* – a Russian nickname for a *ZSU-23 anti-aircraft gun*» [29, с. 220]. И если аббревиатура еще не очевидный показатель, то название оружия уже содержит определенные отсылки. В свою очередь, уже в русских текстах можно увидеть «усвоенные» образцы иноязычной терминологии. Так, список ракетно-ядерного вооружения (*РС-10, РС-12, РС-20, РС-22, РС-12М*) приводится с указанием соответствующих кодов НАТО от *SS-11* до *SS-25* соответственно [7, с. 448]. Можно отметить, что в текстах военной тематики (в том числе и переводных справочниках) встречаются интересные примеры усвоения изначально иноязычных наименований в момент их применения вместе с русскими терминами до степени устойчивых речевых конструкций: «*Тигр*» и «*Пантера*»; *КВ* и «*Черчилль*»; союзные «*Гранты*», «*Валентайны*» и «*Матильды*» [23, с. 333]. Таким логичным образом названия иностранных вооружений входят в военную терминологию уже в качестве ее составных единиц, при этом статус некоторых из них может варьироваться от варваризмов до терминов-макаронизмов – в случае активного применения в речи. Упомянутая дихотомия служит, как уже говорилось, своеобразным механизмом различения обозначений отечественного и зарубежного оружия.

В связи с этим представляется иллюстративным тот факт, что зачастую само образование новых терминологических единиц так или иначе подчинено принципу «свой» – «чужой» и собственно стратегии его выражения в языке и терминологической системе. Как отмечали исследователи, «к своему в данном случае относится все, что представляется знакомым, типичным, привлекательным. Репрезентация позитивных образов во внутренней форме термина в отдельных случаях формирует особенности его восприятия, положительную установку. К чужому относится то, что кажется незнакомым, нетипичным, несвойственным, может вызвать волнение, неприятие, ряд отрицательных эмоций, таких как страх» [12, с. 956]. Сама по себе дихотомия «свой» – «чужой», помимо прочего, призвана выражать и лингвокультурные особенности национальной военной терминологической системы, выделять и отличать ее от прочих. Подобные свойства данного явления уже достаточно хорошо освещены в исследованиях [13], мы же добавим, что вкрапления в тексте прямых нетранслитерированных терминологических единиц еще сильнее выделяют грань условного «своего» и «чужого» в восприятии носителей языка.

Последнее, кстати, связано далеко не всегда с иноязычными наименованиями как таковыми. Взаимодействие своего и чужого в языке возможно также и как взаимовлияние образов, заключающихся в наименованиях вооружений. Подобная национальная специфика неизбежно сочетается в пределах одного языка вследствие глобальных процес-

сов. В изучении имен и наименований подобное явление уже известно [18, с. 126], предполагается, что в терминологии вообще и в военной системе наименований в особенности происходят сходные процессы. Говоря о данной дихотомии, не стоит забывать, что после распада СССР русский язык продолжает применяться в военных сферах новообразованных государств, где наименования советских вооружений претерпевают определенные изменения, обусловленные местной спецификой. Наглядно это можно показать на примере обозначений образцов бронетехники, состоящих на вооружении постсоветских стран: танки *T-72UA*, *T-84U*, *T-64BM «Булат»*, *БМ «Оплот»*, боевая машина пехоты *БМП-1У «Шквал»* [21] (Украина); *РСЗО «БелГрад»* [25, с. 345], боевая разведывательная машина *БРМ 2-Т* [26, с. 431] (Белоруссия). Помимо того, что обозначаемые этими терминами образцы являются модификацией еще советских вооружений (*T-80УД*, *БМП-1*, *T-72*, *БМ-21 «Град»*, *T-64*), становится очевидным тот факт, что на постсоветском пространстве, несмотря на определенные политические перипетии, еще долго будут сохраняться нормы и тенденции, заложенные русской системой военного терминологирования. Позволим себе также добавить, хоть это и находится вне рамок нашего исследования, что подобная картина наблюдается и на пространстве бывшей Британской империи – в ряде относительно новых стран сохранены основные принципы британского военного именования.

Все это позволяет говорить о выраженном культурологическом характере самой дихотомии «свой» – «чужой». Здесь хорошо подходит наблюдение о том, что «можно выделить немаловажную эмоционально-ментальную функцию таких единиц – передачу в термине и его семантических свойствах дихотомии «свой – чужой». То есть, помимо просто обозначения образца вооружений и экспрессивного воздействия на аудиторию, такое название также предполагает закрепление в сознании носителя языка четко закрепленной установки на создание единого «образа» образца военной техники и его названия» [28, с. 135]. Как можно заметить из всех приведенных в статье примеров, определенные национальные чаяния и психологические ожидания масс вполне могут сочетаться с устоявшимися традициями и нормами военного именования, особенно в контексте дуального разграничения понятий и терминов в военной сфере и военном подязыке. Резюмируем, что, как явствует из рассмотренных выше терминов и наименований, в отечественной литературе, посвященной военной тематике, фактически сложились свои особенности передачи названий боевых единиц зарубежных стран и основные черты трансляции подобных единиц в русском языке.

В итоге соотношение элементов в терминологии и сама дихотомия «свой» – «чужой» как явление упирается в особенности мотивации, присущие

языку. Сформулировано это исследователями в том виде, что «число мотивационных признаков ограничено традициями и нормой языка. Выбор мотива номинации и выражение способа передачи мотива объясняется экстра и интралингвистическими причинами. Экстралингвистические факторы становятся причиной того, что во многих языках номинации одинаковы. Однако выбор ориентирован на определенную цель и ограничен системными отношениями в языке» [19]. Так или иначе, но тема дихотомии «свой» – «чужой» и подобных ей оппозиций в военной сфере языка пронизывает оружейную терминологию на большинстве ее уровней, что неизбежно приводит к тем или иным отсылкам к ней в вопросах, связанных со способами именования и классификации оружия и военной техники разных субъектов мировой политики. Также представляется возможным, что в ходе постепенной адаптации изначально иноязычных обозначений вооружений возникнет некоторое смешение терминов и наименований, относящихся к разным сторонам данной дихотомии. В результате дальнейшее развитие процессов в данной сфере, возможно, приведет к появлению довольно интересных конструктов в текстах военной тематики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алимуратов О. А., Лату М. Н. Особенности моделирования семантики терминологии. Терминологические оппозиции (на мат-ле англоязычной военной терминологии). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-modelirovaniya-semantiki-terminoedinit-terminologicheskie-oppozitsii-na-materiale-angloyazychnoy-voennoy-terminologii> (дата обращения: 25.04.2018).
2. Апальков Ю. В. Боевые корабли Русского флота 8.1914–10.1917 гг.: Справочник. СПб.: ИНТЕК, 1996. 224 с.
3. Ахметсагирова Л. И. Образы фразеологизмов военного происхождения (на мат-ле рус. и нем. яз.). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obrazy-frazeologizmov-voennogo-proi-shozhdeniya-na-materiale-russkogo-i-nemetskogo-yazykov> (дата обращения: 25.04.2018).
4. Бойко Б. Л. Языковая картина мира армейской субкультуры (на мат-ле нем. и рус. военной лексики). URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/yazykovaya-kartina-mira-armeyskoy-subkultury-na-materiale-nemetskoy-i-russkoy-voennoy-leksiki> (дата обращения: 25.04.2018).
5. Боннер Кит, Боннер Кэролин. Военные корабли. Мощь и сила современного флота / пер. с англ. В. Skorobogatova. Белгород, Харьков: Клуб семейного досуга, 2011. 192 с.
6. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание / под ред. М. А. Кронгауза. М.: Русские словари, 1996. 416 с.
7. Военный энциклопедический словарь РСФСР / пред. гл. ред. комиссии И. Д. Сергеев. М.: Большая Российская энциклопедия, 1999. 634 с.
8. Каргапольцева И. В. О развитии в русском языке полисемии военных терминов, заимствованных из французского языка. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/o-razviti-v-russkom-yazyke-polisemii-voennyh-terminov-zaimstvovannyh-iz-frantsuzskogo-yazyka> (дата обращения: 25.04.2018).
9. Кивилева Е. Б. Национально-культурные стереотипы, участвующие в процессе условного наименования британских и американских военных кораблей. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/natsionalno-kulturnye-sterootipy-uchastvuyuschie-v-protse-usslovnogo-naimenovaniya-britanskikh-i-amerikanskikh-voennyh-korabley> (дата обращения: 25.04.2018).

10. Кодовые обозначения НАТО. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Кодовые_обозначения_НАТО (дата обращения: 25.04.2018).
11. Коломейцева Е. Б. Понятийный аппарат «чужой» лексики. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/ponyatiynyyu-apparat-chuzhoj-leksiki> (дата обращения: 25.04.2018).
12. Лату М. Н. Оценочность и субъективность во внутренней форме терминологических единиц. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/otsenochnost-i-subektivnost-vo-vnutrenney-forme-terminologicheskikh-edinits> (дата обращения: 25.04.2018).
13. Лату М. Н. Репрезентация лингвокультурных особенностей во внутренней форме терминов. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/representatsiya-lingvokulturnyh-osobennostey-vo-vnutrenney-forme-terminov> (дата обращения: 25.04.2018).
14. Лисицын Ф. В. Крейсера Первой мировой. М.: Яуза, изд-во «Э», 2015. 448 с.
15. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М.: «Языки русской культуры», 1996. 464 с.
16. Полная энциклопедия танков мира / сост. Г. Л. Холявский. Минск: ООО «Харвест», 2006. 576 с.
17. Ружицкий Е. И. Вертолеты. Т. II. М: Виктория, Аст, 1997. 208 с.
18. Рут М. Э. Образная номинация в русском языке. Екатеринбург: изд-во Уральск. ун-та, 1992. 148 с.
19. Рябко О. П. Когнитивное основание теории номинации и мотивации. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/kognitivnoe-osnovanie-teorii-nominatsii-i-motivatsii> (дата обращения: 25.04.2018).
20. Сороколетов Ф. П. История военной лексики в русском языке (XI–XVII вв.). 2-е изд. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 384 с.
21. Список вооружения и военной техники Сухопутных войск Украины. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Список_вооружения_и_военной_техники_Сухопутных_войск_Украины (дата обращения: 25.04.2018).
22. Тимофеева С. Б. Специфика военного термина и ее отражение в двуязычном учебном словаре. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-voennogo-termina-i-ee-otrazhenie-v-dvuyazychnom-uchebnom-slovere> (дата обращения: 25.04.2018).
23. Трюитт Ф. Танки и самоходные установки. М.: АСТ, 2001. 334 с.
24. Чернышова Л. А. К вопросу об этимологическом анализе английской и русской отраслевой терминологии. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-etimologicheskom-analize-angliyskoy-i-russkoy-otraslevoy-terminologii> (дата обращения: 25.04.2018).
25. Шунков В. Н. Энциклопедия реактивной артиллерии / под общ. ред. А. Е. Тараса. Минск: ОАО «Полиграфкомбинат им. Я. Коласа», 2004. 544 с.
26. Энциклопедия бронетехники. Гусеничные боевые машины / сост. Г. Л. Холявский. Минск: ООО «Харвест», 2001. 762 с.
27. Яковлева Е. А., Ирнзаров Э. Н. Наименования стрелкового оружия в русском языке: специфика терминологии // Человек и язык в коммуникативном пространстве: Междунар. (XXI Всероссийские) филол. чтения памяти проф. Р. Т. Гриб (1928–1995). Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2016. Вып. 7(16). С. 146–152.
28. Яковлева Е. А., Ирнзаров Э. Н. Особенности именования образцов оружия и военной техники в актуальном информационном дискурсе // Российский гуманитарный журнал. 2018. Т. 7, №2. С. 132–140.
29. Bowyer R. Dictionary of military terms. Third edition. London: A&C Black, 2007. 289 p.
30. Darcey T., Durkota A., Kulikov V. The Imperial Russian Air Service – Famous Pilots & Aircraft of World War One. Mountain View: Flying Machines Press, 1995. 546 p.
31. Gun: A Visual History. New York: DK Publishing, 2012. 360 p.

Поступила в редакцию 09.11.2018 г.

DICHOTOMY “FRIEND” – “FOE” IN THE CONTEXT OF THE NAMES OF WEAPONS IN THE RUSSIAN LANGUAGE

© **E. N. Irnazarov**

*Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla
3A Oktyabrskoi Revolutsii Street, 450008 Ufa, Republic of Bashkortostan, Russia.*

Phone: +7 (919) 615 41 71.

Email: sokolstra@yandex.ru

The article is devoted to the study of the problem of using the binary opposition “friend” – “foe” in the field of weapon names as part of military terminology. In the study, this concept is meant as a semantic dichotomy, which is manifested in the designation of weapons produced in Russia and abroad. In this regard, the topic of penetration of units of foreign-language naming systems into the Russian military terminology becomes relevant for the study. This process can lead to the adaptation of foreign terms while maintaining the markers of their foreign origin in relation to the designations established in Russian terminology. In addition, the reverse process is possible – the mention of Russian terms in a foreign language, which reveals the mechanism of such adaptation. According to the results of the study, under the influence of extralinguistic factors of administrative or political nature, even the foreign name of the weapon can be perceived by native speakers as “their own”. It seems that in modern conditions of globalization of many socio-cultural processes, opposition “friend” – “foe” becomes one of the most important strategies of language development, promoting the use of mass media and the Internet in the field of intercultural communication.

Keywords: Russian weaponry, names of weapons, dichotomy “friend” – “foe”, military equipment, weapons, term, structural features of military terminology, adaptation of lexical units, national specificity of terms.

Published in Russian. Do not hesitate to contact us at bulletin_bsu@mail.ru if you need translation of the article.

REFERENCES

1. Alimuradov O. A., Latu M. N. Osobennosti modelirovaniya semantiki terminoedinit. Terminologicheskie oppozitsii (na mat-le angloyazychnoi voennoi terminologii). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-modelirovaniya-semantiki-terminoedinit-terminologicheskie-oppozitsii-na-materiale-angloyazychnoy-voennoy-terminologii> (data obrashcheniya: 25.04.2018).
2. Apal'kov Yu. V. Boevye korabli Russkogo flota 8.1914–10.1917 gg.: Spravochnik. [Warships of the Russian fleet 8.1914–10.1917: Reference book]. Saint Petersburg: INTEK, 1996.
3. Akhmet-sagirova L. I. Obrazy frazeologizmov voennogo proiskhozhdeniya (na mat-le rus. i nem. yaz.). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obrazy-frazeologizmov-voennogo-proi-shozhdeniya-na-materiale-russkogo-i-nemetskogo-yazykov>.
4. Boiko B. L. Yazykovaya kartina mira armeiskoi subkul'tury (na mat-le nem. i rus. voennoi leksiki). URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/yazykovaya-kartina-mira-armeyskoy-subkul'tury-na-materiale-nemetskoy-i-russkoy-voennoy-leksiki> (data obrashcheniya: 25.04.2018).
5. Bonner Kit, Bonner Carolin. Voennye korabli. Moshch' i sila sovremennogo flota [Warships. The power and strength of the modern fleet] / per. s angl. V. Skorobogatova. Belgorod, Khar'kov: Klub semeinogo dosuga, 2011.
6. Vezhbitskaya A. Yazyk. Kul'tura. Poznanie [Language. Culture. Cognition]. Ed. M. A. Krongauza. Moscow: Russkie slovari, 1996.
7. Voenniye entsiklopedicheskiy slovar' RVSN [Military encyclopedic dictionary of Strategic Rocket Forces] / pred. gl. red. komissii I. D. Sergeev. Moscow: Bol'shaya Rossiiskaya entsiklopediya, 1999.
8. Kargapol'tseva I. V. O razvitiy v russkom yazyke polisemii voennykh terminov, zaimstvovannykh iz frantsuzskogo yazyka. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/o-razvitiy-v-russkom-yazyke-polisemii-voennykh-terminov-zaimstvovannykh-iz-frantsuzskogo-yazyka> (data obrashcheniya: 25.04.2018).
9. Kivileva E. B. Natsional'no-kul'turnye stereotipy, uchastvuyushchie v protsesse uslovnogo naimenovaniya britanskikh i amerikanskikh voennykh korablei. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/natsionalno-kulturnye-stereotipy-uchastvuyushchie-v-protsesse-uslovnogo-naimenovaniya-britanskikh-i-amerikanskikh-voennykh-korablei> (data obrashcheniya: 25.04.2018).
10. Kodovye oboznacheniya NATO. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Kodovye_oboznacheniya_NATO (data obrashcheniya: 25.04.2018).
11. Kolomeitseva E. B. Ponyatiinyy apparat «chuzhoi» leksiki. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/ponyatiinyy-apparat-chuzhoi-leksiki> (data obrashcheniya: 25.04.2018).
12. Latu M. N. Otsenochnost' i sub'ektivnost' vo vnutrennei forme terminologicheskikh edinit. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/otse-nochnost-i-subektivnost-vo-vnutrennei-forme-terminologicheskikh-edinit> (data obrashcheniya: 25.04.2018).
13. Latu M. N. Reprezentatsiya lingvokul'turnykh osobennostey vo vnutrennei forme terminov. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/r-reprezentatsiya-lingvokulturnykh-osobennostey-vo-vnutrennei-forme-terminov> (data obrashcheniya: 25.04.2018).

14. Lisitsyn F. V. Kreisera Pervoi mirovoi [Cruisers of the First World War]. Moscow: Yauza, izd-vo «E», 2015.
15. Lotman Yu. M. Vnutri myslyashchikh mirov. Chelovek – tekst – semiosfera – istoriya [Inside the thinking worlds. Human – text – semiosphere – history]. Moscow: «Yazyki russkoi kul'tury», 1996.
16. Polnaya entsiklopediya tankov mira [Complete encyclopedia of tanks of the world]. Comp. G. L. Kholyavskii. Minsk: OOO «Kharvest», 2006.
17. Ruzhitskii E. I. Vertolety. T. II [Helicopters. Vol. 2]. M: Viktoriya, Ast, 1997.
18. Rut M. E. Obraznaya nominatsiya v russkom yazyke [Image-based nomination in the Russian language]. Ekaterinburg: izd-vo Ural'sk. un-ta, 1992.
19. Ryabko O. P. Kognitivnoe osnovanie teorii nominatsii i motivatsii. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/kognitivnoe-osnovanie-teorii-nominatsii-i-motivatsii> (data obrashcheniya: 25.04.2018).
20. Sorokoletov F. P. Istoriya voennoi leksiki v russkom yazyke (XII–XVII vv.). 2 ed. Moscow: Knizhnyi dom «LIBROKOM», 2009.
21. Spisok vooruzheniya i voennoi tekhniki Sukhoputnykh voisk Ukrainy. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Spisok_vooruzheniya_i_voennoi_tekhniki_Sukhoputnykh_voisk_Ukrainy (data obrashcheniya: 25.04.2018).
22. Timofeeva S. B. Spetsifika voennogo termina i ee otrazhenie v dvuyazychnom uchebnom slovare. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-voennogo-termina-i-ee-otrazhenie-v-dvuyazychnom-uchebnom-slovare> (data obrashcheniya: 25.04.2018).
23. Tryuit F. Tanki i samokhodnye ustanovki [Tanks and self-propelled artillery]. Moscow: AST, 2001.
24. Chernyshova L. A. K voprosu ob etimologicheskom analize angliiskoi i russkoi otraslevoi terminologii. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-etimologicheskom-analize-angliyskoy-i-russkoy-otraslevoy-terminologii> (data obrashcheniya: 25.04.2018).
25. Shunkov V. N. Entsiklopediya reaktivnoi artillerii [Encyclopedia of rocket artillery] / pod obshch. red. A. E. Tarasa. Minsk: OAO «Poligrafkombinat im. Ya. Kolasa», 2004.
26. Entsiklopediya bronetekhniki. Gusenichnye boevye mashiny [Encyclopedia of armored vehicles. Tracked fighting vehicles]. Comp. G. L. Kholyavskii. Minsk: OOO «Kharvest», 2001.
27. Yakovleva E. A., Imnazarov E. N. Chelovek i yazyk v kommunikativnom prostranstve: Mezhdunar. (XXI Vserossiiskie) filol. chteniya pamyati prof. R. T. Grib (1928–1995). Krasnoyarsk: Sibirskii federal'nyi universitet, 2016. No. 7(16). Pp. 146–152.
28. Yakovleva E. A., Imnazarov E. N. Liberal Arts in Russia. 2018. Vol. 7, No. 2. Pp. 132–140.
29. Bowyer R. Dictionary of military terms. Third edition. London: A&C Black, 2007.
30. Darcey T., Durkota A., Kulikov V. The Imperial Russian Air Service – Famous Pilots & Aircraft of World War One. Mountain View: Flying Machines Press, 1995.
31. Gun: A Visual History. New York: DK Publishing, 2012.

Received 09.11.2018.